

Поговори со мной без слов

Ровена Кунц

Усталость позволила Ровене заснуть быстро. Но сон постепенно ее изгонял, возвращая ее к реальности из того глубокого омуты, в который она провалилась, едва ее голова коснулась футаона. Постепенно приходило ощущение, что спит она в неизвестном месте, а двери здесь даже не запираются на замки и что совсем недалеко есть кто-то еще. Ровена не привыкла к тому, что рядом с ней кто-то может спать. И даже подсознательное ощущение чужого присутствия было не то чтобы неприятным, скорее не давало окончательно расслабиться. Постепенно сон отступил окончательно и Ровена открыла глаза, прислушиваясь к тишине вокруг. За окном было еще темно и по ее ощущениям стояла глубокая ночь. Вот только сна не было ни в одном глазу. Женщина еще немного покрутилась, надеясь устроиться поудобнее и все же доспать до утра, но потом признала бесполезность этой затеи и тихонько встала. Вот посидит немного на веранде, на свежем воздухе и заснет.

Ровена завернулась в одеяло, и, стараясь не шуметь, открыла дверь и вышла на террасу. В темноте она не видела практически ничего, а без очков и вовсе не очень хорошо ориентировалась в пространстве, но это ей не мешало присесть на ступеньки, устроив подбородок на коленях и бездумно пялиться в пустоту, думая обо всем сразу и ни о чем совсем. Вытесненные усталостью эмоции возвращались, только вот на этот раз она их не давила, наоборот перебирала, заставляла себя прочувствовать и разобраться – что же их вызвало. Пропустить через себя, чтобы избавиться окончательно. Сейчас можно – ночь тиха и никого нет. Никто не помешает и не отвлечет. Именно за эту возможность спокойно все обдумать и привести мысли в порядок Ровена и уважала темное время суток. День для этого часто был слишком суетлив.

Хельмут Кунц

Ворочался и устраивался спать Хельмут в большей степени для вида. На эту ночь у него были совсем другие планы. Так что, как только со стороны Ровены перестали доноситься иные звуки, кроме мерного дыхания спящего человека, он бесшумно выскользнул на улицу, одновременно с этим отыскивая внутри себя свою вторую сущность. Здесь и сейчас это было совсем не сложно – тихая ночь, лунный свет вместе с желанием сбежать от собственных мыслей являлись в этом деле отличным подспорьем. Мир потек вокруг, стремительно изменяясь. Хотя на самом деле он оставался неизменным, менялся только сам Хельмут.

Волк некоторое время стоял, привыкая заново к полузабытым ощущениям и чутко принюхиваясь и прислушиваясь к окружающему миру, а потом неторопливо потрусил куда-то в сторону дикого парка. Хотелось развеяться. Хотелось бежать так быстро, чтобы можно было обогнать ветер, а потом впиться клыками в теплый бок еще живой добычи и насладиться торжеством охотника. Утопить в этих простых ощущениях все, что всколыхнул в нем разговор с сестрой.

Обратно волк возвращался уже под утро. Вот он обошел террасу и остановился у самого угла, приметив на ступеньках человека. Принюхался, определяясь, кто перед

ним и даже потер лапой нос, стремясь избавиться от такого знакомого запаха и желания сдать назад и затесаться куда-нибудь в кусты. Благо было еще темно и его вряд ли бы увидели, но потом человеческое любопытство пересилило инстинкт и он медленно пошел вперед, со странной смесью настороженности и предвкушения ожидая реакции. Испугается или нет? Откуда взялось это практически мальчишеское желание он и сам не знал, но вероятно свою роль сыграл долгий успокаивающий бег и удачная охота.

Ровена Кунц

Мысли привольно перескакивали с одного на другое, ни на чем особенно не задерживаясь. В этом особая прелесть ночи, днем такой рассосредоточенности и несобранности в мыслях Ровена позволить себе не могла. А сейчас можно было не думать, не следить за лицом и речью, просто сидеть и чертить на земле неизвестно когда подобранной палочкой понятные одной ей символы. Просто отдыхать от дневной суеты, от самой себя, от волнений и внутреннего напряжения, что стягивало ее в тугую пружину весь последний месяц. Расслабиться и вволю, по-женски похлопать носом, отпуская на свободу все эмоции и страхи, чтобы их унесла вода, оставив после себя только приятную холодную пустоту и кристальное спокойствие.

Ощущение чужого присутствия – чьего-то разума совсем рядом и Ровена настороженно смотрит по сторонам, пока не замечает совсем рядом звериный силуэт.

- Собака? – удивленно спрашивает она в пустоту. Волков Ровена видела разве что по телевизору и в картинках в книгах, так что вряд ли смогла бы отличить дикого зверя от собаки, особенно в темноте и без очков.

- Иди сюда, - позвала она зачем-то, - Посидим, посмотрим на Луну. Только что вальс не послушаем, - женщина неожиданно улыбнулась и поманила животное ближе к себе. Собаки ей в целом нравились. Но мысли завести себе животное никогда не возникало. При этом она не удивилась тому, что они могут быть на территории монастыря. Охранять там или еще что.

Хельмут Кунц

Волк посмотрел на женщину очень укоризненно – ну какая он к чертям собака, а? И практически по-человечески вздохнул – вот что за человек, нет чтобы испугаться, как все порядочные барышни, а она... иди сюда, собачка. Волк тряхнул лобастой башкой и все-таки подошел поближе, забрался на террасу и разлегся рядом, положив морду на лапы. Ну давай посидим что ли. Только вот вальсов не надо, хотя вряд ли его будут заставлять танцевать. А на Луну он посмотреть очень даже за. Волк одобрительно вильнул хвостом и сунул морду женщине под руку. Раз звала – давай теперь, погладь что ли и расскажи что-нибудь. А то сидеть просто так скучно. Он конечно же и сам может рассказать, и даже спеть песню Луне, но так ведь тебе точно не понравится – уйдешь. Этого же вопреки всем недавним мыслям совсем не хотелось, сидеть вот так просто на террасе неожиданно оказалось очень уютно и правильно. Как надо. И совсем не так, как до этого, днем – последняя мысль вышла особенно размытой и неопределенной, потому как была совсем не волчьей, а принадлежала тому, другому, который сейчас практически не во что не вмешивался, только слушал вместе с волком, да осторожно напоминал о том, что тут все свои и никого кусать не надо. Тоже мне – напоминальщик. Кусаться и не хотелось, совсем.

Чего ему на свою же стаю бросаться? Впрочем, кто этого другого разберет. Он был странным. Женщина опять начала говорить и волк наострил уши, прислушиваясь и даже издал какой-то одобрительный звук. Мол, говори-говори. Лучше конечно повой вместе со мной, но и так тоже не плохо.

Ровена Кунц

«Собачка» на проверку оказалась крупнее, чем казалась в темноте, но агрессии не проявляла, видимо была дрессированная и действительно охраняла монастырь по ночам. Ровена подвинулась немного в сторону, давая псу больше места, а потом осторожно, самыми кончиками пальцев прикоснулась к шерсти и тут же отвела руку – вдруг кусаться будет. Зверь тихо заворчал, но кажется среагировал так не на прикосновение, а на то, что она замолчала.

- Нравится слушать сказки? – молчать ей и самой не хотелось. Хотелось говорить, долго, до боли в горле, пока не закончатся слова и эмоции и не наступит спасительная пустота.

- Ну слушая тогда. Только сказочник я плохой, я только про жизнь рассказать хочу, - она вздохнула и снова протянула руку, касаясь звериной шерсти. Почему-то запаха псины Ровена не чувствовала, скорее какой-то островатый и терпкий запах леса и диких трав. И этот запах казался ей уютным и домашним. Знакомым. Похоже пахло одеяло, в которое она была завернута. С одеяла и запахов мысли ее потянулись к недавнему разговору и эмоциям. Ровена как-то сгорбилась, плотнее подтягивая колени к груди и еще раз вздохнула.

- Вот скажи, собак, почему так не везет, а? На людей не везет и вообще. Не хотят они головой думать, - она шумно выдохнула, чувствуя, что опять начинает злиться, но на этот раз давить эмоции и злость не собиралась, наоборот давала ей выход, только следила за тем, чтобы говорить шепотом и никого не потревожить.

- Почему они не хотят понимать элементарные вещи? Откуда столько эгоизма? – вопросы летели в пустоту, только накаляя и подогревая эмоции. Они были тихими и неявными и нуждались в подзарядке.

- Я же беспокоюсь, - последнее слова Ровена проговорила практически одними губами. Вряд ли даже звериный слух мог легко его разобрать. С другой стороны – зачем зверю его разбирать?

Хельмут Кунц

Волк весь насторожился, когда почувствовал прикосновение, но женщина руку практически сразу убрала. К прикосновениям он относился как-то очень настороженно. Зато слушал дальше вполне охотно, пусть даже не очень воспринимая и разбирая слова. Зачем оно ему? Голос и интонации. Вот что в принципе важно. Зверь прикрыл глаза, будто убаюканный, отходя куда-то дальше, а человек в нем наоборот словно просыпался. Скоро нужно будет возвращаться обратно, но еще на часик его точно хватит. А превращаться прямо здесь и сейчас не хотелось точно. Лучше уж молча слушать обвинительную речь, которая видимо ему предназначалась. Догадалась что ли? Волк настороженно приподнял голову, но потом решил, что подозревает он что-то лишнее и снова улегся поудобнее.

Хорошо, что волки не умеют фыркать и издавать другие человеческие звуки – а то бы точно спалился. Но даже так зверь поднял голову и очень внимательно

посмотрел на Ровену. Он как-то сомневался в ее способности что-то там чувствовать и волноваться. У машин вроде такая функция не предусмотрена. Но молчаливый его протест против реальности точно услышан не был, так что оставалось только внимать дальше. Или уходить, но последнее было совсем не интересным. К тому же ему все равно нужно было пройти мимо нее на террасу, а оттуда – в комнату. Вряд ли это было бы легкой задачей.

Ровена Кунц

Пес был чрезвычайно благодатным слушателем – он молчал, глупых замечаний не вставлял, с мысли не сбивал – сплошная благодать. Можно разоряться дальше и рассказывать о том, как глупо устроен мир вообще и его отдельные индивиды в частности.

- Взял тоже моду – пропадать неизвестно где, а потом находиться с таким видом, будто ничего не случилось. И взгляд еще такой – мол а что такого-то? Да, совершенно ни-че-го! – Ровена поймала себя на том, что начала повышать голос и тут же вновь понизила его до шепота.

- Ни-че-го. Просто, понимаешь, звонит мне отец, и говорит – мне вот тут позвонили из центра этого альпинистского, говорят Хельмут пропал – совсем пропал. И хоронить нечего. И короткие гудки, - она замолчала, запуская пальцы в волосы, яростно сжимая и дергая их, будто желая вырвать целый клочок. Тогда было не до эмоций. Тогда нужно было экстренно искать телефоны, выяснять, разбираться, а потом снова дозваниваться отцу – потому что ни речь, ни последовавшие за ней короткие гудки ей не понравились.

- Я ему обратно только через четыре часа дозвонилась. А там голос – незнакомый. И говорят все, инфаркт. Увезли. И я не знаю куда мне ехать – во Франкфурт в больницу или в эти чертовы Альпы. Сажу с телефоном и думаю – там уже не помочь, и тут я тоже ничего не сделаю. Посмотрю только, - она замолчала, уткнувшись носом в колени и быстро и тяжело дыша. Вспоминать было больно. Боль эта оказывается никуда не ушла, только затаилась где-то глубоко внутри. Но теперь ее пора было отпустить, а для этого – пережить заново.

Хельмут Кунц

Зверь снова начал закрывать глаза – претензии были совершенно привычными, ничего нового для себя в них он не слышал, и искренне не понимал – что он, маленький, отчитываться. Странно и непонятно. Он же не требует, чтобы ему рассказывали, когда и куда она едет. Зачем?

Речь же текла дальше и слушать теперь было интереснее, потому что вместо привычных претензий началась исповедь, а исповедей волку слушать еще не доводилось. Вот только конкретно эта ему совсем не нравилась. От нее почему-то хотелось забиться куда-нибудь подальше и глухо и тоскливо завывать. Волк приподнялся на лапы, ткнулся мокрым носом в щеку Ровены, и тихонько заскулил. Веяло от всей этой истории какой-то стылой безнадежностью. И ее хотелось как-то развеять, убрать – слишком уж не вязалась с мягкой и покойной атмосферой монастыря. Не нужны тут такие истории. Лишнее, не надо.

Ровена Кунц

Вот не зря говорят – собаки лучше людей. И в монастыре этом явно обитались какие-то излишне внимательные и понимающие псы. Аж подозрительно. Было бы. Но сейчас Ровена об этом определенно не думала – ее несло дальше.

- Ты знаешь, я тогда никуда не поехала. Ни туда и ни туда, - она улыбается, криво и нервно, приподнимает голову в ответ на прикосновение и решительно обнимает пса за шею, уткнувшись носом в теплую шерсть.

- Вообще взяла – и с утра на работу пошла. Так и не решилась, - почему-то чувствовать рядом с собой что-то живое и теплое, а главное – совершенно молчаливое и не отвечающее, было чрезвычайно приятно и как-то успокаивающе.

- А на третьей паре опять позвонили. Из больницы. Все говорят – не спасли. Забирайте после вскрытия, - слова застревали комом в горле, а воздух казался невероятно густым и тяжелым. Будто опять там – вышла на пять минут в коридор и не знаешь не то что, как зайти обратно, а как вообще дышать правильно. И все конфликты, все обидные слова – все кажется совершенно пустым и никчемным. Ровена крепче сжала собачью шею и выразительно хлюпнула носом.

- Я потом поехала во Франкфурт все-таки. Отвела оставшиеся три пары и поехала. Вытребовала себе неделю отпуска по семейным обстоятельствам. А там все такое белое и стерильное. И лекарствами пахнет так, что задыхаешься. И люди. И все – чистое и пустое. Не узнаешь. Коллеги приезжают – соболезнавания. Двойная потеря, - она помотала головой, силясь прогнать что-то что было все же слишком тяжелым и больным.

- И никого нет на самом деле. Понимаешь? Ни-ко-го. Пусто, - слова становились все более бессвязными. Слышала бы сама себя со стороны – выгнала вон и заставила бы рассказывать заново после того, как справиться с эмоциями.

Хельмут Кунц

О своем опрометчивом поступке волк пожалел почти сразу – ровно после того, как его шею буквально сдавили тисками так, что дышать стало решительно нечем. Он попытался дернуться, чтобы обрести свободу и желанный воздух, но тут же резко замер, услышав слова. Этого он тоже не знал. Смерть отца вообще прошла как-то мимо него – словами, едва донесшимися до сознания сквозь бред и осознание совсем других смертей. А тут – будто в первый раз услышал. И как-то ударило, накрыло, что захотелось все же покинуть серую волчью шкуру и просто сесть рядом и обнять крепче. И на мгновение пожалеть, что когда было нужно – тогда, его там просто не было. Потому что это ощущение пустоты и рухнувшего мира было Хельмуту ох как хорошо знакомо. Но сделать было уже все равно ничего нельзя. Только прекратить вырываться и понадеяться, что все-таки не удушат в порыве чувств.

Ровена Кунц

Почувствовав, что пес как-то подозрительно затих, Ровена хватку все-таки ослабила, но отпускать от себя животное совершенно не спешила, к тому же попыток укусить и иной агрессии собака не проявляла. Точно ученая. Может это какой-то местный антидепрессант? Мысли были глупыми и какими-то неуместными,

но они гнали прочь воспоминания, почему-то успокаивали и ослабляли давящее ощущение.

- А потом опять позвонили из центра этого. Я так до сих пор и не знаю, откуда они папин номер отыскиали. Почему не мне позвонили? Я бы в начале разобралась. Разве можно вот так, с налету? У него же давно сердце было...., - вздох. Ровена откинулась назад, разглядывая небо. Наверное от того, что находилась она в горах, оно казалось более близким и глубоким. Красивым. Было что-то такое. Не за этим ли небом люди так рвутся в горы?

- Нашелся. Я так обрадовалась, что не помню даже как приехала туда. А там... там такая пустота в глазах. И вопрос этот – зачем приехала. Ты знаешь, ни говорить, ни чего не хотелось. Дверь прикрыла и вышла, - она закрывает глаза, вновь ощущая этот невероятный контраст ощущений – вспышка радости – огонек свечи и резкая остановка, как у самого края пропасти в которую этот огонек падает и гаснет. Пустота никуда не делась, только вдруг стала еще глубже, еще абсолютнее.

- Но ты знаешь, мне тогда повезло – наткнулась на директора их. Мне его теперь даже жалко – я ему все высказала. И про непроверенную обстоятельства и про последствия. Сказала – в суд подам. Испугался. На нем и так судов из-за тех ребят висело. Но проникся. И я успокоилась. Посидела потом в номере и плюнула на все. Так надоело, - вспышка эмоций проходила, становилось спокойнее, холоднее и легче. Так всегда было – она знала это, затем и доводила сейчас себя, чтобы пропустить и освободиться.

Хельмут Кунц

Тот визит Ровены Хельмут помнил с трудом. Помнил, что приходила. Но он тогда вообще никого не хотел видеть – в начале полиция, потом Линда налетела чуть ли не с кулаками и какими-то претензиями, а потом приехала она. И последнее, что ему хотелось в тот день слышать – это очередные претензии и обвинения. Только она и правда ничего говорить не стала. Посмотрела и ушла сразу. Почему-то сейчас на душе стало как-то на удивление мерзко и противно. Неправильно. Волк тихо заворчал и затряс лобастой башкой, желая освободиться, а еще лучше – уйти и бежать. Куда угодно, только бы не было всех этих человеческих сложностей и вопросов. Только ветер и горы. Но тем не менее – остался, опять растянулся рядом, положив голову на колени и тихонько подвывая.

Столько новой информации за один раз – узнал например, почему директор не пришел с претензиями, а был невероятно вежлив, предупредителен и заикался через раз. Видать ему и правда не повезло нарваться на Ровену, которой очень был нужен кто-то виноватый в ее настроении. А он-то еще удивлялся как, почему вся неустойка с него стробована не была. Хотя увольнение тот воспринял с явным облегчением и энтузиазмом.

Ровена Кунц

- Так я к чему все это говорю, - она под успокоилась и голос звучал опять ровно и спокойно, - Я к тому, что не прошло и нескольких месяцев – и этот тип опять пропадает, и опять вот это вот – а что такого. Звонить только вот теперь некому, чтобы пугать, - она опять касается рукой собачьей шерсти и осторожно поглаживает

загривок.

- Третьего раза я пожалуй, уже не переживу. У меня через него уже полголовы седых волос, - пожаловалась Ровена своему молчаливому слушателю, - Благо что видно плохо. И как ему объяснить? И слушать же ничего не хочет. Взрослый и самостоятельный больно, - она отчетливо скрипнула зубами, а потом встала на ноги.

Ночная прохлада забиралась под тонкое одеяло, накал эмоций прошел и Ровена почувствовала, что достаточно замерзла и опять хочет спать, а значит спокойно проспит до утра. Все-таки ночные посиделки – чрезвычайно полезная штука, особенно, когда есть такой вот благодатный слушатель.

- Пойду я, собак, холодно, - она получше завернулась в одеяло и вернулась в комнату, тихонько прикрыв за собой дверь.

Тут было тихо. Настолько, что ей показалось, что комната пуста. Но Ровена не придавала этому ощущению значения, опять свернувшись клубком на футоне и на этот раз уже засыпая.

Хельмут Кунц

Волк почти по-человечески вздохнул, когда его спихнули в сторону. Вот что за человек? Только проникнешься, жалко даже станет – и снова вот он дурной характер во всей красе. Дверь за Ровеной закрылась и он с наслаждением отпустил волчью шкуру, и в человеческом уже обличье устроился на ступеньке. Вдруг страшно захотелось курить. Вот только сигарет у Хельмута не было, а бегать по соседям и искать точно было не лучшей идеей.

И все-таки – что за человек! Приехать, все взбаламутить и уедет завтра. А ты тут мучайся и крутись как хочешь дальше. Он посидел еще немного, ожидая, пока в комнате совсем все затихнет, а потом тоже вернулся туда. Надо было поспать хоть немного, а то подъем в шесть, а сутки и без того выдались на удивление насыщенные как на события, так и на эмоции.
